

Binová, Galina Pavlovna

Гоголь и Шевченко: творческие влияния и взаимодействия

In: *N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase : (studie o živém dědictví)*.
Dohnal, Josef (editor); Pospíšil, Ivo (editor). V Tribunu EU vyd. 1. Brno:
Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2010, pp.
31-38

ISBN 9788073991975

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132710>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ГОГОЛЬ И ШЕВЧЕНКО: ТВОРЧЕСКИЕ ВЛИЯНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

GALINA BINOVÁ (BRNO)

Предмет исследования – конфронтация творчества двух выдающихся личностей – Н. В. Гоголя и Т. Г. Шевченко. Гоголевское влияние проявилось как в поэзии, так и в прозе Шевченко, как в раннем романтическом творчестве, так и в зрелом сатирическом. Одновременно речь идет о разных мировоззренческих убеждениях, которые отразились в характере сатиры обоих писателей. Шевченко был в своей сатире революционно настроен и непримирим, Гоголь – противник насильственного переустройства жизни, путь к спасению он видит в нравственном преображении человека, христианизации жизни.

Ключевые слова: Гоголь – Шевченко – творческие влияния – романтическая поэтика – критический реализм – сатира – насильственное переустройство жизни – нравственное преобразование человека – христианизация

Den Gegenstand der Forschung stellt die Konfrontation des Werkes von zwei bedeutenden Persönlichkeiten – N. V. Gogol und T. G. Schewtschenko dar. Gogols Einfluss wurde sowohl in Schewtschenkos Poesie, als auch in seiner Prosa sichtbar, und zwar nicht nur in den frühen, sondern auch in seinen reifen satirischen Werken. Im Weiteren werden unterschiedliche Ansichten der beiden Schriftsteller beschrieben, die den Charakter ihrer Satire beeinflusst haben. Schewtschenko war in seiner Satire unversöhnlich, Gogol – der Gegner von gewaltigen Umstürzen des Lebens, sieht den Rettungsweg in der sittlichen Umwandlung der Menschheit und in der Christianisierung des Lebens.

Schlüsselworte: Gogol, Schewtschenko, Einflüsse auf Werk, romantische Poetik, kritischer Realismus, Satire, gewaltiger Umsturz des Lebens, sittliche Umwandlung der Menschheit, Christianisierung.

Гоголь и Шевченко. Великие современники, украинцы по происхождению. Оба любили Украину. Шевченко, хотя и писал талантливую русскую прозу, стал основоположником новой украинской литературы, украинским

национальным поэтом, выразителем дум и чаяний своего народа. Украинский народ и украинская тематика были неисчерпаемым источником вдохновения и для Гоголя. Но Гоголь был и считал себя русским писателем. Место Гоголя – гениального классика, романтика и реалиста, создателя «натуральной школы», сатирика и философа – в русской литературе незаменимо. «Гоголевским периодом» назвал Чернышевский целую эпоху российской литературы, подчеркнув таким образом огромное влияние писателя на ее дальнейшее развитие. Судьба Шевченко, крепостного и ссыльного, была, несомненно, более трагична, чем судьба Гоголя. Но и Гоголь был мучеником, «мучеником высокой мысли», по выражению Аксакова, взявшим на себя тяжелую задачу духовного просветления человека. Творческие поиски и эстетические взгляды обоих художников не раз пересекались, а значит уместно говорить о влияниях и взаимодействиях.

Жизненные обстоятельства не позволили писателям лично встретиться, но много фактов свидетельствует о знакомстве с творчеством друг друга. Впервые Шевченко познакомился с творчеством Гоголя, вероятно, в начале 30-х годов в Петербурге, где в 1831 г. вышла первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Вокруг имени Гоголя развернулась тогда критическая борьба. В этой атмосфере очутился молодой Шевченко, который имел уже твердые взгляды на искусство и его гражданскую роль. Сам, будучи до 1838 крепостным, Шевченко встал на сторону своего угнетенного народа, его устремлений и надежд. На стороне простого человека был и Гоголь, создавший целую галерею ярких образов как русского, так и украинского народов. Естественно, Шевченко был внутренне близок образ Рудого Панька из «Вечеров...», которые внесли в литературу своеобразный поэтический колорит, богатый мир народной жизни, с традициями, живой разговорной речью.

Как Гоголь, так и Шевченко психологически и природой своего таланта были романтиками. Романтические интонации и поэтическую образность найдем у обоих и в сатирических и в самых, казалось бы, трагических произведениях. В первой романтической балладе Шевченко «Причинна», так же как и у Гоголя в «Вечерах...», реализм сочетается с романтикой, проза каждодневной жизни с высокой поэзией. Романтическая поэтика обоих включала украинский фольклор, народную мифологию, тягу к иррациональной образности. Вдохновляют Шевченко и историческая героика и романтический пафос повести «Тарас Бульба», не случайно в поэме «Гайдамаки» найдем немало подобных интонаций.

Позже, однако, у Шевченко возрастает интерес к реалистическому творчеству Гоголя. В 40-е годы в общественной жизни углубляется кризис феодально-крепостнической системы, обостряется протест народных масс.

Вершина творчества обоих писателей относится именно к первой половине 40-х годов, когда у обоих отмечаем поворот к критическому реализму. В 1842 г. выходит в свет первый том «Мертвых душ» с их разоблачительным критическим пафосом. Шевченко, который всегда был готов «стать за народ і зло казнить», нашел в авторе «Мертвых душ» и «Ревизора» союзника и единомышленника. О возрастающем интересе к Гоголю свидетельствуют и факты, что в 1840 г. Шевченко пишет портрет Гоголя, а в 1842 г. создает иллюстрацию к повести «Тарас Бульба», на которой запечатлел Тараса и его сыновей. В 1844 г. Шевченко пишет свое послание «Гоголю». Характерно, что со своей «думою» о судьбе гневной и печальной обращается он именно к Гоголю.

За думою дума роєм вилітає:
Одна давить серце, друга роздирає,
А третя тихо-тихесенько плаче
У самому серці...

Шевченко называет Гоголя «великим другом» и «братом» – такими словами он не раскидывался. «Слово-сльози» – так обозначает Шевченко свой творческий метод, выражающий боль и страдания народа и одновременно гнев против его угнетателей. Особенность стиля Гоголя видит Шевченко в карающем смехе, осознавая, что это смех сквозь слезы, «скорбный смех», как выразился Герцен. Шевченко осознавал значение такого смеха и не случайно в конце послания призывает:

Нехай, брате! А ми будем
Сміятися та плакати.

В этом «ми» – осознание общности призвания, равнозначности своего гневного плача и скорбного гоголевского смеха.

Одновременно с посланием «Гоголю» Шевченко прямо поворачивается к гоголевскому смеху, разоблачающей сатире. 1843-45гг. – так называемый период «три літа» – наиболее плодотворнейший и наиострейший период в творчестве Шевченко, когда он создает ряд своих сатирических политических поэм. Балладно-романтические кулисы уступают здесь место реальным жизненным картинам, усиливается социальная детерминация, зло называется своим именем. Шевченко по-своему разоблачает «мертвые души» царской России и Украины, становится на сторону поработенного народа.

Будучи в 10-летней ссылке в Оренбурге, Шевченко неоднократно вспоминает Гоголя в своем «Дневнике», написанном по-русски и содержащем самые сокровенные мысли и впечатления автора. В письмах к близким он просит прислать ему «Мертвые души»: «Такая книга, как «Мертвые души»,

будет для меня другом в моем одиночестве»¹. «Ревизора» он называет «сатирой умелой, благородной»². Письма Шевченко свидетельствуют о том, что малейшее негативное мнение о Гоголе он воспринимал как личное оскорбление. Имя Гоголя было для него святыней. В письме к Репниной в 1850 г. Шевченко пишет: «Перед Гоголем должно благоговеть, как перед человеком, одаренным самым глубоким умом и самую нежною любовью к людям!»³. Шевченко очень желал познакомиться с Гоголем, в письмах просил сообщить ему его адрес, с великой грустью откликнулся он на смерть Гоголя: «Я никогда не перестану жалеть, что мне не удалось познакомиться лично с Гоголем. Личное знакомство с подобным человеком нецененно, в личном знакомстве случайно иногда открываются такие прелести сердца, что не в силах никакое перо изобразить»⁴. В письме к О. Бодянскому в 1854 г. Шевченко просит: «Як матимеш гулящий час, то піди в Симонов монастир, за мене помолися богу на могилі Гоголя за його праведную душу»⁵.

Традиции гоголевского критического реализма выразительно проявились и в русской шевченковской прозе, которую он начинает писать в 1844-45гг. Как и Гоголь в «Мертвых душах» (напр. при описании приезда Чичикова в губернский город или при характеристике манер Манилова), Шевченко также иронизирует в своих повестях над распространенным в то время ходульно-романтическим методом повествования «салонной» литературы à la Марлинский, Кукольник и др. Например, в повести «Музыкант» видим пародийное противопоставление фальшивой идеализации жизни и ее правдиво-реалистического изображения. На защиту «Мертвых душ» Гоголя от реакционной критики, которая видела в поэме клевету на Россию, выступил Шевченко в повести «Близнецы», отмечая популярность этой книги у киевской студенческой молодежи. «Мертвые души» Шевченко встретил с особенным восторгом, ибо нашел в поэме родство со своими взглядами на прогнившую крепостническую систему. Он восхищался сатирическим мастерством Гоголя в раскрытии мерзости и пошлости мира Чичиковых. По мнению Шевченко, молчать об этом – значит совершать преступление против своего народа. В своих повестях и в «Дневнике» Шевченко в духе Гого-

---

¹ ШЕВЧЕНКО, Т.: Повна збірка творів в трьох томах. Киев, 1949, т. 3, с. 306-307.

² ШЕВЧЕНКО, Т.: Повне зібрання творів в десяти томах. Вид-во АНУССР, т. 5, с. 20.

³ ШЕВЧЕНКО, Т.: Повна збірка творів в трьох томах. Киев, 1949, т. 3, с. 306-307.

⁴ Там же, с. 307.

⁵ Там же, с. 332.

ля рисует колоритные образы «свинячих рил» – самодуров-крепостников, употребляет подобные средства сатирического снижения и заострения образа, уподобляет персонажи животным, подчеркивая их звериную суть, пошлость и духовное вырождение. Но за мертвыми душами они оба видели души живые, с ними связывали свои надежды и веру в моральные силы народа. В повестях Шевченко встретим много гоголевских образов, ассоциаций с гоголевскими типами, афоризмов, цитат, упоминаний о Гоголе. Но Шевченко роднит с Гоголем не только сатирическое, но и лирическое начало. Присутствие автора, сочувствие или, наоборот, негативное отношение к изображаемому, ощущается постоянно. У обоих многократно встречаем раздумья, лирические отступления, лирический пафос при любовании природой – ту «пристрастную субъективность», о которой говорил Белинский.

Таким образом, гоголевское влияние проявилось как в поэзии, так и в прозе Шевченко, как в раннем романтическом его творчестве, так и в зрелых сатирических поэмах. Шевченко не только постоянно интересовался творчеством Гоголя, но принимал и творчески развивал его идеи, принципы реалистической эстетики, сатирического изображения действительности.

Закономерно встает вопрос об отношении Гоголя к Шевченко. Здесь фактов и свидетельств меньше. Любовь Гоголя к украинскому народу, его героическому прошлому не вызывает сомнений. Есть свидетельство Г. Данилевского, что в усилиях за освобождение Шевченко из крепостной неволи принимал участие и Гоголь.⁶ В воспоминаниях Данилевского есть и высказывание Гоголя о Шевченко: «Я знаю и люблю Шевченко, как земляка и талантливого художника..., его личная судьба достойна всякого участия и сожаления». Когда же присутствовавший при этой встрече Бодянский попросил Гоголя высказать свое мнение о поэзии Шевченко, Гоголь «негромко, но прямо проговорил»: Дегтю много, и даже прибавлю, дегтю больше, чем самой поэзии...» Нет ли здесь противоречия? И что понимал Гоголь под «дегтем»?

Дело в том, что, несмотря на целый ряд подобных творческих принципов, мировоззрение Гоголя и Шевченко, а вместе с тем и характер их сатиры были различны. Наглядно это можно видеть, напр., в изображении аналогичных сцен. Как у Гоголя в «Ночи перед рождеством», так и у Шевченко в поэме «Сон» есть картины Петербурга и царского двора, показанные глазами рассказчика – простого человека, впервые попавшего в столицу. Герой поэмы Шевченко, как и кузнец Вакула, фантастическим способом

⁶ См. ДАНИЛЕВСКИЙ, Г.: Полное собр. сочинений, т. 14, с. 98-100.

прилетает в Петербург, проникает в царские палаты и становится участником царского приема.⁷ Здесь можно найти и реминисценции из Гоголя. Шевченковское описание – «церкви та палати, та пани пузаті... золотом обліті блудолизи... панства, панства в сребрі та златі» ассоциируется с Гоголем: «Господ, в крытых сукном шубах, он увидел так много, что не знал, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тут панства!» – подумал кузнец». При всей похожести сцен колорит описаний, однако, иной. У Шевченко возникает остросатирическая характеристика Петербурга и двора, а у Гоголя скорее комическая. Зимний дворец у него ассоциируется со светящейся игрушкой, и власть-то какая-то кукольная, царица и вельможи напоминают марионетки.

Юмор в статире Шевченко почти отсутствует, а если и встречаются комические эпизоды, то с большой долей сарказма. Шевченко идейно был связан с русским революционно-демократическим движением, под влиянием которого формировались его эстетика и творческий метод. Русское самодержавие и крепостное право были для него злейшими врагами. Радикальность Шевченко связана с судьбой Украины и, конечно, с личной судьбой поэта. Поэтому в своей сатире Шевченко гневен и бескомпромиссен. В поэме «Неофіти» он восклицает:

Моліться правді на землі,
А більше на землі нікому
Не поклоніться. Все брехня –
Попи й царі...

А поэма «Кавказ» прямо наполнена пафосом революционной борьбы:
Встане правда! Встане воля!

Призыв Шевченко «стать за народ і зло казнить» нашел в его сатире конкретное воплощение.

Нужно сказать, что объективно имя Гоголя в глазах передовых писателей и революционно-демократической критики было символом борьбы с крепостничеством, отрицания существующих форм жизни. (В этом контексте понятно, почему Белинский не принял «Выбранные места из переписки с друзьями» и остро реагировал на них в своем «Письме к Гоголю».) Неудивительно, что и Шевченко нашел в творчестве Гоголя отклик на свою ненависть к помещикам-крепостникам. Но как раз с «борьбой» и «ненавистью» у Гоголя не было так однозначно. Гоголь был противником насильст-

---

⁷ См. ИВАКИН, Ю.: Коментар до «Кобзаря» Шевченко. Вид-во «Наукова Думка», К., 1964, с. 157.

венного переустройства жизни, по его мнению, жизнь изменится не насильем, не революциями, а внутренним преображением человека.

Свою программу и свою «русскую идею» Гоголь изложил в книге «Выбранные места...», в которой он раскрывается перед нами как духовный писатель, религиозный мыслитель. Это одновременно и исповедь и проповедь. Гоголь видит спасение в христианизации жизни и человека, т. е. в нравственном совершенствовании каждого из нас, ибо именно нравственное несовершенство грозит гибельными последствиями. (В этом плане он предвосхищает Толстого и Достоевского.) Влияние религии, по Гоголю, должно выразиться в нравственном росте человека. Преобразятся люди – изменится к лучшему и жизнь. И в уродливых крепостнических отношениях видел Гоголь возможность совершенствования, возрождения: помещики должны быть благодетелями для крестьян, воспитывать их и вести к христианским добродетелям. Путь к Христу, считал Гоголь, это одновременно путь к преодолению непонимания, к примирению. У него и царь должен быть образом Божиим на земле, потому что «свет Христов освещает всех». По убеждению Шевченко, с царем связано все зло, это супостат, который заслуживает только смерти. А Гоголь высказывается о своем идеале царя: «Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значение своё...» «Нравственное совершенствование, служение ближнему и путь к Богу – это для Гоголя, по существу, одно и то же»⁸. Утопия? Увы, трагическая утопия.

Цели Гоголя были благородные: преодолеть утраченную цельность, гармонизировать человека и жизнь. В нем совмещались великая любовь к человеку и горький смех над его несовершенством. И. Золотусский прав, когда в своей книге «Смех Гоголя» пишет: «Как бы ни негодовал Гоголь... в его смехе нет мести и нет необратимости суда... Смывая с человека ничтожность и пошлость, смех этот не смывает самого человека»⁹. Именно поэтому этот смех не зол, а мягок, «светел», как сказал сам Гоголь. Может быть, этим «дегтем» в поэзии Шевченко был для него как раз претивший ему бичующий, беспощадный, пропитанный ненавистью смех, не оставляющий надежды на спасение. Не в злобе, а в свете души, любви, по Гоголю, путь к спасению. «Дегтем» для него, верящего в спасительную силу религии и мечтавшего о братстве всех людей на религиозной основе, был, возможно, и атеизм Шевченко. Гоголь хочет спасти душу человека от черноты, от зла.

⁸ МОНАХОВА, И.: Начала братства Христова. Литературная газета № 48, 2008, с. 7.

⁹ ЗОЛОТУССКИЙ, И.: Смех Гоголя. Москва: ОАО Московские учебники и картография, 2005, с. 238.

В своих записных книжках он восклицает: «Боже, дай полюбить еще больше людей». Путь любви был для него единственным. «Страшна душевная чернота», – писал он в «Завещании». Гоголь считал, что его послание – спасти людей от черноты, изгнать ее из душ. Это послание он и пытается реализовать во втором томе «Мертвых душ» – очистить и просветить своих героев.

В своих духовных исканиях Гоголь был нравственным максималистом и великим идеалистом. Он знал, каким путем должно идти, но не знал, КАК привести людей к осознанию необходимости этого единственного пути. Как знаем, русское общество не пошло по праведному пути, намеченному Гоголем. Наоборот, под воздействием кровавых событий христианизация пошла на убыль. «Русь-тройка» была загнана до смерти. Место христианской любви заняла классовая ненависть. Но Золотусский прав, когда пишет, что Гоголь в «Выбранных местах...» прозрел многие страхи и ужасы России, которые потрясли ее в XX веке». ¹⁰

Гоголь еще не разгадан вполне. Грустный, погруженный в раздумье на памятнике Андреева – он воплощение этой загадки. И Шевченко, хотя и восхищался им, не разгадал Гоголя до конца, был слишком прямолинеен и монотематичен, чтобы постичь гоголевскую сложность. Знаменательно, что он, так живо реагирующий на каждую новую книгу Гоголя, никогда прямо не отозвался о «Выбранных местах...», хотя и читал их в ссылке.

Гоголь «многослоен», если использовать терминологию Р. Ингардена. Сатирический смех, ирония и высокое проповедничество, романтическая стихия и трезвый демаскирующий реализм, а к тому масштаб философских проблем, пророческий дар и святая вера в спасительную силу любви – это все Гоголь.

---

¹⁰ ЗОЛОТУССКИЙ, И.: Оправдание Гоголя. В: Литературная газета № 13, 1989, с. 5.